

07.00.00 Historical sciences

07.00.00 Исторические науки

UDC 903

**N.V. VORONOVICH HISTORICAL PORTRAIT:
FROM CHILDHOOD TO MILITARY SERVICE**¹*Larisa N. Andreeva*²*Larisa A. Solopy*

¹ Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26 a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
Студентка 6-го курса специальности «История»
² Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26 a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
candidate of historical sciences, docent

Nikolay V. Voronovich is an outstanding historical figure of Russian revolution and Civil War. During his lifetime, he was the leader of Green Movement within Black Sea Region, Third Force ideologist, opposing both the Red and the White and memorialist. These are only several examples of N.V. Voronovich activities.

Keywords: Nikolay V. Voronovich, historical portrait, family.

Николай Владимирович Воронович родился в 1886 г. Выходец из русского офицерства. Свое раннее детство провел в Петербурге, где проживала его семья, и Нижнем Новгороде у деда Николая Михайловича Баранова, известного на всю Россию губернатора (будучи известным флотским офицером Баранов, специализировался по артиллерийской части и изобрел десантное оружие, названное «Барановским»).

У Баранова Н.М. было трое сыновей. Старший – Алексей Николаевич окончил военно-медицинскую академию и стал военным врачом, младший – Владимир Николаевич по окончании пажееского корпуса служил в Преображенском полку, отличился во время мировой войны, был награжден орденом Св. Георгия и в 1915 г. погиб в бою под Вильно (Вильнюс). Что касается среднего – Александра Николаевича, то он был тем известным в России и в эмиграции ротмистром Барановым, прославившийся своими экстравагантными подвигами.

Два раза в год губернатор давал торжественные приемы и балы дворянству и купечеству. В эти дни собиралась вся семья, и приглашались архиереи, соборное духовенство, офицеры гарнизона, чиновники и именитые граждане.

Одним из самых ярких воспоминаний его детства является воспоминания о Черном море, которое он впервые увидел, путешествуя с родителями в Гурзуф. Дед (Баранов) гордился им и говорил, что он будет хорошим моряком.

С самого раннего детства Н.В. Воронович очень много путешествовал. За всю свою жизнь он объездил весь свет, побывал во многих странах, видел Лондон, Париж, Берлин, Вену, Рим, Константинополь и другие большие города. Но красивейшим городов в мире для Вороновича оставался Санкт-Петербург, в котором он провел свое раннее детство и в который вернулся шестнадцатилетним юношей. Он видел Петербург глазами интересовавшегося всякими мелочами

мальчика, любознательного юношу и зрелого молодого человека. После смерти отца Николай Владимирович вернулся в Петербург, в котором прожил еще 15 лет.

С 1901 г. Семью Вороновичей постигло большое несчастье. Все свои деньги глава семейства вложил в частный банк, который спустя время обанкротился и все сбережения семьи пропали. Эта неприятность так подействовала на отца Вороновича, что он скончался от сердечного приступа, оставив семью без средств к существованию.

После смерти отца осенью Воронович поступает в Киевское реальное училище.

В начале 1890 годов в Киеве издавались три дневные газеты «Киевлянин», «Киевское слово» и «Искусство». В «Киевском слове» появляются его первые газетные статьи о Клинцах, о его обывателях – «Письма Черниговского полесья». А через два года, во время пребывания в Манджурии, посылал несколько корреспонденции «с театра военных действий». Все они без всякого сокращения и без изменения были напечатаны в «Киевском слове».

Проучившись недолго в Киевском реальном училище Н.В. Воронович поступает в Пажеский корпус, где продолжает учебу до наступления русско-японской войны.

В 1905 г., кроме 800 тыс. мобилизованных запасных, в распоряжении правительства было более миллиона кадрового войска. Особенно крепкой и надежной силой является оставшаяся на месте гвардия и регулярная кавалерия. Опираясь на эту силу, правительство сохранило власть и подавило революцию 1905 г.

Манджурский разгром и революция 1905 г. явились теми истоками, из которых вылилась революция 1905 г.

Опыт 1905 г. послужил на пользу русской армии, и особенности флоту. Благодаря вынесенному младшим и средним составом боевой опыт, наши вооруженные силы смогли выдержать в 1914–1917 гг. борьбу с Германией и не только выдержать эту борьбу, но в целом в ряде решительных боевых операций одержать победу над противником.

Еще в начале 1904 г., после объявления русско-японской войны, Н.В. Воронович решил во, чтобы то ни стало принять участие в этой войне. Но так как все его попытки записаться в одну из частей действующей армии заканчивались неудачей, то в декабре, воспользовавшись рождественскими каникулами, «самовольно отлучиться» из «Пажеского корпуса» и, имея на руках заблаговременно припасенное свидетельство об успешном окончании шести средних классов, которое давало право вольноопределяющимся 1-го разряда, определился канониром (рядовым) в предназначенную к отправлению в армию (16-я артиллерийская бригада).

Корпусное начальство узнало о «бегстве» воспитанника слишком поздно. Воронович уже принял присягу и числился в списках мобилизованной части и вернуть его на школьную скамью было уже невозможно.

За этот проступок он был исключен из списков «пажей высочайшего двора».

16-я артиллерийская бригада квартировала в городе Волковыске Гродненской губернии и оперативно входила в состав 6-го армейского корпуса. В 1904 г. бригада была перевооружена новыми скорострельными орудиями, переведена в мобилизованный 4-й корпус и придана 40-й пехотной дивизии.

За два дня проведенных в Волковыске, он познакомился с офицерами и солдатами батареи старался наскоро изучить материальную часть оружия, уставы и наставления.

Офицеры приняли Н.В. Вороновича очень радушно, единственному вольноопределяющемуся, командир бригады предоставил место в офицерском

вагоне. В батарее, куда был представлен на службу Воронович началось лихорадочное заготовление фуража. Количество вагонов и платформ, предназначенных для перевозки батареи, было точно определено и рассчитано на самый минимальный запас фуража и продуктов.

Отбывая дневальства в теплушках своего взвода Н.В. Воронович наблюдал настроение солдат и видел как они «рвались в бой».

Три четверти из них были крестьянами Седлецкой, Ломжинской и Люблинской губернии и плохо говорили по-русски. Будучи отцами семейств (некоторые имели даже женатых сыновей), они тосковали по оставленным хозяйствам и целыми днями мрачно молчали, но молодые люди ехали на войну с легким сердцем.

Перевозка войск на театр военных действий происходила очень медленно и небрежно. Следуя по узкоколейному пути, эшелоны простаивали целыми часами на каждом разъезде не только ожидая встречные, но и пропуская вперед все пассажирские и грузопассажирские поезда. На 48 день путешествия батарея, наконец, прибыла по назначению в Гунжулин, маленькую станцию южной ветки Восточно-Китайской железной дороги. На запасном пути стоял поезд нового главнокомандующего генерала Линевича, а небольшой вокзал, был заполнен офицерами, врачами, интендантами и сестрами милосердия.

Через два часа после прибытия эшелон был разгружен, оружие и зарядные ящики, и с наступлением сумерек батарея двинулась на бивуак. Так начался первый день на войне Н.В. Вороновича.

Как вспоминал в последующем Н.В. Воронович: «Потянулись скучные, однообразные дни». Иногда разносились слухи о готовящемся наступлении. Тогда бивуак оживал, но через некоторое время слухи эти опровергались и наступившее оживление замирало. Вскоре в войска докатилась весть о катастрофе 2-й Тихоокеанской эскадры. «Последняя надежда» – вспоминал Воронович: «выиграть войну была потеряна. Надежды испытать войну, пережить все невзгоды и опасности и проявить себя каким-либо подвигом рушились».

Николай Владимирович Воронович в период
Первой мировой войны.

Стояли сильные морозы. Как в офицерском вагоне, так и солдатских теплушках было холодно, и ощущался недостаток в дровах. Благодаря существованию походной кухни все солдаты могли получать горячий обед два раза в день. Но с дровами дело обстояло плохо. Солдаты были вынуждены либо красть железнодорожные дрова, либо жечь деревянные приспособления теплушек.

Подъезжая к Иркутску личному составу батареи стало известно о начавшемся сражении под Мукденом.

Из поступающих телеграмм было очень трудно узнать о действительном положении на фронте. В них говорилось об отдельных маловажных эпизодах: о героическом подвиге какой-либо охотничьей команды, или о лихом отражении японской атаки на какую-то сопку. Поэтому на каждой большой станции солдаты бросались к книжному киоску и выискивали хоть какую-нибудь информацию о реальном положении на фронте.

Простояв под Иркутском более трех часов, поезд продолжил движение на Байкал, и уже вскоре стали приближаться к границам Китая. Уже в Чите стало известно об оставлении Мукдена.

Решив во что бы то ни стало пробиться на позиции и принять участие в военных действиях. Не отдавая себе отчета в том, какие последствия может вызвать такой поступок, он прикомандировывается к одной из находившихся на передовых позициях частей – подразделению 4-го корпуса, находившихся на передовых позициях частей на юге, занимавшее охранение между Шуанмяузой и Чантуфу, явочным порядком. К вечеру Воронович прибывает на бивуак Оренбургской казачьей дивизии генерала Грекова.

Казаки приютили его, и, когда на следующее утро одна из сотен 8-го Оренбургского полка выступила в сторожевое охранение, он поехал вместе с ней.

Но японцы не проявляли никакой активности, не имели никакого желания не только атаковать, но даже обстрелять охранение русских. Ночь, во время которой Воронович стоял часовым прошла спокойно.

Но уже на следующий день, когда сотня сменилась другой, Вороновичу было разрешено остаться в карауле. На этот раз ему повезло. Соседний отряд производил разведку. Японцы обстреляли разведчиков, и, когда они отступили, завязалась перестрелка и на русском фронте. Заветное желание Н.В. Вороновича исполнилось: несколько японских пуль просвистали над его головой и он принял боевое крещение.

Пробыв три дня у оренбуржцев, он решает вернуться в свою батарею. Его отсутствие не осталось незамеченным в результате состоялся неприятный разговор с командиром батареи подполковником Дегтелером. О самовольной отлучке в военное время Вороновича было доложено командиру бригады. И вскоре он был арестован на семь суток, которые просидел в палатке, куда ему приносили из батареи обед и ужин.

Через два часа после прибытия эшелон был разгружен, орудия и зарядные ящики – запряжены и, с наступлением сумерек, батарея двинулась на станцию на отведенный ей бивуак.

Так как все находившиеся вокруг станции казенные здания, домики железнодорожных служащих и казармы пограничников были заняты штабами, то пришлось расположиться на ночлег под открытым небом.

Целую неделю батарея простояла в Гунжулине на этом бивуаке, ожидая дальнейших приказаний. Положение русской армии перед началом боя было вполне удовлетворительное. У японцев не было значительного превосходства в силах. Но они удивительно смело и с большим искусством маневрировали.

Но и наш младший командный состав и солдаты до самого конца дрались отлично и отдельные части достойны самых высших похвал.

С приходом в Годзядань обнаружилось, что все огромные склады, заготовлены интендантством еще осенью 1904 г. были сожжены при отступлении. Поэтому расположенные вокруг Годзядани части должны были приобретать фураж собственным попечением. Но заготовка фуража оказалась делом очень трудным,

стоял март месяц, поля были еще совершенно голые. А между тем, привезенные с собой запасы подходили к концу. Пришлось начать фуражировки в ближайших окрестностях.

Обычно фуражировки состояли в том, что солдаты разбирали соломенные крыши, которые затем отдавались на корм изголодавшимся лошадям.

Главкомандующий, генерал Линевиц, издавал строгие приказы, запрещающие под угрозой расстрела разорение фанз, кумирен и прочие виды мародерства.

Когда все крыши Годзядани были уже съедены, а интендантский фураж из Харбина все еще не приходил, было принято решение отправить разведчиков в дальнюю фуражировку. От батареи были назначены поручик Митрофанов, Воронович и 15 разведчиков. Но во время этой разведки в каждой деревне встречалась одна и та же картина: дома и запасы фуража были разграблены, местные жители подвергались пыткам со стороны предводителя Чансолина, который был союзником японцев и по их заданию уничтожал в тылу русской армии все запасы продовольствия и фуража. Поэтому главкомандующим за его голову была назначена высокая награда – 10 тыс. рублей (через 10 лет после японской войны Чансолин стал маршалом и диктатором всей Манчжурии).

С отходом наших армий на север от Телина, оказалось, что отсутствуют карты района, в котором предстояло сражаться и маневрировать. Для этого была необходима маршрутная съемка данной местности.

Через несколько дней после прибытия подразделение было разделено на два. 6 команд поступили под начальство войскового старшины Шишкина и остались занимать охранение на восток от железной дороги, другие 10 команд Иолшина получили участок на запад от нее.

Всех прибывших по какому-либо случаю в отряд Иолшин обязательно брал с собой на объезд позиций и подвергал «боевому крещению».

Вскоре Воронович был назначил ординарцем Иолшина.

Вечером 25 июля Иолшин собрал в свою фанзу всех офицеров и объявил, что ровно в полночь выступает отряд для производства усиленной разведки.

С соблюдением строжайшей тишины 8 команд (две остались в сторожевом охранении) тронулись с бивуака и сосредоточились на Зеленой сопке. Во время предыдущих разведок Иолшин рассмотрел и нанес на карту все находившиеся против нашего участка японские заставы. Он намеривался прорвав в двух местах линию неприятельского охранения, окружить главную японскую заставу, занимавшую укрепленную Голодную сопку. Объявив задачу всем офицерам, Иолшин послал пешую команду Шуйского полка обойти Голодную сопку и атаковать японцев с тыла. Остальные команды двинулись к занятой японцами постами деревне Эрдагоу.

Японцы, отвлеченные наступившими с фронта командами, не заметили обхода, и пешая команда без выстрела атаковал их с тыла. В результате вся застава – офицер и 21 солдат – были пленены, еще двое не пожелавшие сдаваться были в короткой схватке заколоты. Команды с плененными вернулись на исходные позиции.

Спустя несколько дней (30 июля) армейский бивуак был разбужен сообщением боевого охранения о японском наступлении. Практически без боя соседи Иолшина покинули позиции и отступили, а 10 команд в течение 2 суток прикрывали линию обороны всех подразделений. Здесь также отличился Воронович.

За отличие в делах 26 и 30 июля Николай Владимирович был произведен в старшие фейерверкеры и представлен к Георгиевскому кресту. По приказу главкомандующего все вольноопределяющиеся 1-го разряда, участвовавшие и отличившиеся в боях, предназначались к производству в прапорщики для замещения

офицерских вакансий. Так и оставался Н.В. Воронович до последнего дня войны на боевых позициях, где 28 августа встречал парламентариев на Зеленой сопке [1].

По завершению войны Н.В. Воронович направляется назад в Петербург. Его заслуги в период русско-японской войны были зачтены и он приказом Николая II вновь восстанавливается в Пажеском корпусе. Однако дисциплинарного взыскания Вороновичу избежать не удалось и сразу по возвращении в корпус он попал на 30 суток в карцер, где и отсидел положенный срок. Так, формировалась одна из неординарных личностей первой четверти XX века, личности оставившей заметный след в революционных событиях и Гражданской войне в России [2].

Примечания:

1. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891–1920 гг. М., 2001.
2. См. подробнее: Черкасов А.А. Н.В. Воронович «Народное ополчение – армия третьей силы» // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 1. С. 34–47; Черкасов А.А. Попытка спасения царской семьи // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 1. С. 6–14; Черкасов А.А. Демократия и гражданская война: проблема фракционных взаимоотношений на крестьянско-рабочем съезде Комитета освобождения Черноморской губернии (22–25 февраля 1920 г.) // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 34–50; Черкасов А.А. Финансовая политика Комитета освобождения Черноморской губернии в условиях гражданской войны (1920 г.): исторический опыт // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2007. № 1–2. С. 179–182; Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 гг.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 1. С. 84–98; Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 гг.) (продолжение) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 1. С. 87–97.

УДК 903

К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Н.В. ВОРОНОВИЧА: ОТ ДЕТСТВА К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

¹ Лариса Николаевна Андреева

² Лариса Александровна Солопий

¹ Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
Студентка 6-го курса специальности «История»

² Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
candidate of historical sciences, docent

Николай Владимирович Воронович одна из ярчайших фигур революции и гражданской войны в России. В разные годы своей жизни он был и лидером зеленого движения на территории Черноморья, и идеологом третьей силы, выступавшей и против белых, и против красных, и мемуаристом. Это лишь часть спектров деятельности, с которыми олицетворяется имя Н.В. Вороновича.

Ключевые слова: Николай Владимирович Воронович, исторический портрет, семья.